

реотипами та особистим досвідом інтеркультурний діалог, що здійснювався на окупованій території. Як зазначає автор, і військовослужбовці окупаційних військ, і місцеві жителі в процесі побутових контактів, відвідування концертно-видовищних заходів, перегляду фільмів або прослуховування радіопередач формували картину “іншого”, яка далеко не завжди збігалася із стереотипами, сформованими напередодні війни та окупації в рамках дегуманізованого та демонізованого образу ворога. Проте використана Д. М. Титаренком джерельна база дає підстави визнати його припущення як такі, що мають право на існування.

Автор детально характеризує умови й особливості роботи культурних установ на окупованій території, розглядає інституційні та позаінституційні прояви культурного життя місцевого населення як елементи підкупаційного повсякдення. Особливу увагу звернуто на роботу театральних колективів, просвітнянських осередків, бібліотек і музеїв. В контексті реалізації дозвіллевих практик населення розглянуто місце свят, урочистостей і пам’ятних дат в житті населення, що, з одного боку, як слушно зазначає автор, мали служити інструментом пропагандистського впливу, з іншого (особливо коли йшлося про релігійні свята) – ставали важливим елементом релаксації та відвернення від важкого підкупаційного повсякдення. Водночас, як видається, доречно було б розглянути в роботі і фольклор як особливу форму духовного життя населення, особливо з урахуванням його іманентної здатності оперативно реагувати на значущі події суспільно-політичного життя, бути своєрідним їх віддзеркаленням в народній культурі.

У розділі, присвяченому освітнім процесам на окупованій території, не лише докладно зображено картину занепаду освітньої сфери, адаптації учнівства, педагогічного персоналу, навчальних програм до нових умов, але й охарактеризовано ключові фактори, що впливали на освітнє середовище. Як зазначає автор, діяльність військово-адміністративних структур, які регулювали й спрямовували життя населення на окупованій території, характеризувалася своєрідною амбівалентністю, боротьбою різних концепцій і думок. Слідування нацистським ідеологемам поєднувалося із прагматичним розрахунком – намаганням шляхом забезпечення діяльності освітніх закладів різного рівня мінімізувати соціальну напругу в тилу Вермахту, забезпечити підготовку необхідних для потреб економіки окупованої території фахівців.

Розглядаючи роль і місце інформаційно-комунікативних чинників впливу на свідомість місцевого населення автор, посилаючись на відповідний емпіричний матеріал, небезпідставно наголошує, що пропагандистські засоби на окупованій території ставали інструментом формування нової картини світу, нових візуальних, звукових і ментальних образів.

Попри те, що робота присвячена проявам культурного життя на окупованій території, автор не схильний гіперболізувати їх значення. Він визнає, що за умов війни та іноземної окупації першочерговим для населення стала реалізація власних стратегій виживання. У той же час культурні процеси на окупованій території стали своєрідним соціальним феноменом, фактором відвернення від жорстких реалій життя в умовах

іноземної окупації, ознакою збереження певної національної та історичної традиції.

Інтерес становить підібраний автором фотоілюстративний матеріал, що має чітку прив’язку як до регіону, так і до порушених автором проблем, допомагає розглянути їх у контексті нацистської окупаційної політики.

В цілому рецензоване видання справляє позитивне враження завдяки ґрунтовній джерельній та історіографічній базі, зваженим та політично незаангажованим оцінкам та висновкам. Авторіві вдалося розширити уявлення про процеси, що відбувалися на окупованій території, показати їх специфіку, що зумовлювалася особливостями дій німецької адміністрації, органів місцевого самоврядування, позицією громадськості в різних зонах окупації. Монографія є суттєвим внеском у вивчення історії України доби нацистської окупації і викличе інтерес у фаховій аудиторії.

Lunyak Ye. M., doctor of history, associated professor of Nizhyn Gogol State University (Ukraine, Nizhyn), lunyak@ua.fm

Review of monography: Cultural processes in Ukraine during the Nazi occupation (zone of military administration) by Tytarenko D. M. – L’viv, 2014. – 442 p.

Луняк Е. Н., доктор исторических наук, доцент, Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя (Украина, Нежин), lunyak@ua.fm

Рецензия на монографию: Титаренко Д. Н. Культурные процессы в Украине в годы нацистской оккупации (зона военной администрации). – Львов, 2014. – 442 с.

* * *

Масаев М. В.

доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией факультета социокультурной деятельности и музыкального искусства, Крымский университет культуры, искусств и туризма (Украина, Симферополь), mikhael-masaev@yandex.ru

О ФЕНОМЕНАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ: РАШКОВСКАЯ В. И. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / В. И. РАШКОВСКАЯ. – СИМФЕРОПОЛЬ: ДИАИПИ, 2013. – 200 с.

(рецензия друкється мовою оригіналу)

Данное учебное пособие написано известным отечественным специалистом, доктором педагогических наук, профессором, заведующей кафедрой изобразительного искусства Крымского инженерно-педагогического университета Валентиной Ивановной Рашковской.

Рецензенты данного пособия – также известные ученые, доктора педагогических наук, профессора А. А. Марушкевич и Л. З. Тархан.

Хорошая структура проявляется через следующие разделы данного пособия:

Раздел 1 – “Теоретико-методические подходы к художественному анализу произведений светской живописи” – содержит такие подразделы, как художественно-композиционные приемы живописи и методика ху-

дожественного “чтения” произведений светской живописи.

Во втором разделе – “Концептуальные основы понимания христианского изобразительного искусства” – говорится о искусствоведческо–образовательном потенциале христианского изобразительного искусства, концептуальных основах понимания символа в православном изобразительном искусстве и о мировоззренческо–художественных категориях православного изобразительного искусства.

Третий раздел, озаглавленный “Методика художественного “чтения” произведений христианского изобразительного искусства”, поднимает вопросы об уровнях художественного “чтения” произведений православной живописи, о символике “чтения” православного зодчества и о составляющих духовного развития средствами изобразительного искусства.

Раздел 4 – “Теоретические основы сакрального исламского изобразительного искусства” – повествует о концептуальных основах исламского изобразительного искусства и о сакральной геометрии в исламском изобразительном искусстве.

И, наконец, пятый раздел – “Художественные и семиотические аспекты сакрального исламского изобразительного искусства” – акцентирует внимание на художественных и духовных характеристиках исламской сакральной архитектуры и на каллиграфии и орнаменте как совершенном искусстве изображения слова и символа.

Во введении, в частности, мы читаем следующее:

“Использование педагогического потенциала изобразительного искусства является важным средством формирования многообразных творческих способностей учащихся. Трудно переоценить влияние искусства на эстетическое и нравственное развитие. Обращение к воспитательной стороне изобразительного искусства способствует решению педагогических целей современного образования, гуманизации социальных отношений в обществе, передаче новым поколениям высших человеческих ценностей, формированию духовно–нравственных качеств личности” (с. 4).

При этом искусство “не повторяет, не копирует действительность, оно содержит её познание. Подобно тому, как наука о строении вещества, проникая в его сущность, открывает скрытое содержание, так и искусство не повторяет жизнь, а, проникая в её сущность, открывает её главные смыслы и ценности” (с. 4).

Таким образом, “искусство является особой формой познания. Познание мира средствами искусства – это художественное познание, которое принципиально отличается от научного, поскольку представляет процесс мышления в “образах”. Такое мышление позволяет, например, проанализировать эволюцию образа человека в искусстве, что способствует более глубокому осмыслению концепции личности в разных культурах и в разные эпохи. Однако, наведенное осмысление объекта через образ при общении с искусством предполагает наличие способностей навыков восприятия произведения искусства, понимание его художественного и семиотического языка. В этой связи актуальным становится овладение методикой художественного “чтения” произведений искусства” (с. 4).

Можно согласиться с мыслью В. И. Рашковской, что в настоящее время “мы лишились официальной идеологии и духовно–нравственных ориентиров и идеалов. В результате духовно–нравственное воспитание молодежи свелось к минимуму. Совокупность ценностных установок, присущих молодёжному сознанию, стала деструктивной и порой разрушительной” (с. 4). При этом “молодёжная культура освобождена от дидактики. В ней преобладает стремление к занимательности, доступности, поражающей воображение новизной, только не на мораль. Плюрализм смыслов и форм такой культуры вступает в явное противоречие с духовной традицией. Важно *какие ценности* (курсив автора пособия – М.М.) пропагандирует *искусство* (курсив автора пособия – М.М.), какую концепцию мира и человека оно несёт. Ныне молодёжи навязывается “новая система ценностей”, пропагандируется принцип “раскрепощения личности”, стремление к полной и ничем не ограниченной свободе” (с. 4–5).

“С другой стороны, как подчёркивает В. И. Рашковская, современное образование стало передачей совокупности знаний и навыков для достижения материального благополучия и карьеры. Поэтому неудивительно, что среди людей образованных часто встречается пошлость, цинизм, аморальность. На горьком современном опыте мы убедились, что без духовно–нравственной составляющей образования разрушается государство, останавливается экономика, гибнет культура. Без духовности прекращается прогресс, становятся бесполезными и даже опасными самые глубокие научные знания, самые новейшие технологии.

Специфика современного этапа воспитания молодёжи диктует необходимость интеграции научно–профессионального и духовно–нравственного содержания в образовании. Сегодня важно вернуться к своим национальным корням. Актуальным становится практическое присоединение к национальной духовной традиции, к душе народа. Народ и отечество дают человеку язык, традиции, историческую память, преемственность – целостность во времени. Без всего этого человек выпадает из временной цепи, из исторического бытия и оказывается в ничейном, пустом времени, не согретом духовным теплом праотцев. Невозможно любить Отечество, не зная того, что находится в генетической памяти народа.

Возвращение к национальным истокам будет способствовать преодолению исторического невежества и национального беспамятства. На этом пути образование может и должно стать своеобразной пропедевтикой в мир истинных ценностей. Одним из таких путей может стать возвращение к аксиологии изобразительного искусства” (с. 5).

Автор отмечает, что христианское и исламское изобразительное искусство сохранили свой духовный потенциал, они открывают удивительные тайны бытия, воплощённые в художественных формах. Всё это культурное наследие содержит многомерные возможности для современного образования (с. 5–6).

Автор пособия говорит, что вызывает интерес тот факт, что “эти виды искусства ставили и продолжают ставить проблемы личности, её становления и деградации, проблемы взаимоотношения между человеком и миром, проблемы смысла и цели жизни” (с. 6). При

этом является характерным, что “искусство ставило эти вопросы подчас значительно раньше и вникало в них значительно глубже, чем соответствующие специализированные науки – психологические, социологические, медицинские и пр.” (с. 6).

Поэтому для того, чтобы “воспользоваться накопленным аксиологическим потенциалом искусства, необходимо освоить методики художественного “чтения” (с. 6). В учебном пособии они представлены для произведений светского и религиозного искусства, в частности христианского (иконопись, храмовое зодчество) и исламского (архитектура, каллиграфия, орнамент) изобразительного искусства.

Достаточно показательно мнение автора о познавательном значении произведений живописи. Искусство воплощает религиозные, философские, правовые, политические, духовные, мистические, аксиологические аспекты мировоззрения личности и общества. В разделе 1 В. И. Рашковская подчёркивает необходимость указать, “какая познавательная ценность данного произведения, какие идеи, взгляды, принципы несут с собой художественные образы, изображенные на полотне” (с. 21).

В подразделе “Методика художественного “чтения” произведений светской живописи” говорится о том, что приведенная в подразделе 1.1. методика художественного “чтения” произведений живописи и анализ её составляющих может существенно обогатить проведение занятий по истории изобразительного искусства. Эта методика предполагает расширенное и углубленное изучение сокровищницы мировой живописи.

В разделе 2 в контексте искусствоведческо-образовательного потенциала христианского изобразительного искусства говорится о воспроизведении внутреннего мира личности как цели и светского, и религиозного искусства. Для достижения этой цели и светское, и религиозное искусство должны решить одинаковые задачи. Во-первых – “увидеть” образ человека внутренним зрением художника прежде, чем воплотить его в красках. Во-вторых, дать видимый образ человека так, чтобы раскрылась его внутренняя сущность, скрытая от обычного, поверхностного зрения. Невзирая на общность поставленных цели и задач, пути художественно-композиционного решения в религиозном и светском искусстве разные. Далее автор даёт компаративный анализ произведений православного, католического и светского искусства.

Светская и религиозная портретная живопись, как подчёркивает профессор В. И. Рашковская, передаёт художественными средствами внутренний мир человека по трём уровням эмоционально-психологического состояния: личины, лица, лика (с. 36).

Художественным изображением лица наиболее совершенно овладела католическая живопись. Наиболее ярко это появилось в творчестве художника, чьё искусство признаётся образцом художественного совершенства – Рафаэля.

Лик (третий уровень), в отличие от личины и лица, – это не портрет человека, а то изображение внутреннего мира, которое можно увидеть лишь духовными глазами [1]. Лик даёт только иконопись, удостоверяя художественными средствами духовную сущность личности.

Целесообразно подчеркнуть, что Евангельский идеал, воплощённый художественными средствами в пра-

вославном и католическом изобразительном искусстве, является общим основанием духовного развития личности. Не “стоит забывать, что европейская культура, при всей своей сложности, была и остаётся донныне христианской культурой – по своим основным задачам и задумкам, по своему типу: из христианства она преимущественно выросла, его надеждами и идеалами питалась, в христианстве находила свои духовные силы и от него взяла любовь к свободе и чувству ценности личности” [2, с. 36].

На третьем уровне – уровне лика – искусство воплощает художественную православную антропологию, указывая на обязательный компонент духовного развития – “познание себя”, своей внутренней сакральной сущности. Анализируя размышления о самопознании у Сократа, Б. П. Вышеславцев подчёркивает, что самопознание означает одновременно и работу над собой, и формирование себя, и осознание себя как императив, приказ, что требует нового рождения и прихода к самому себе, основы и начала творческой жизни и самоопределения [2, с. 256].

Учитывая вышеприведённое, В. И. Рашковская считает целесообразным подчеркнуть, что художественная православная антропология, которую воплощает иконопись, становится практической основой духовного развития личности (с. 38).

С целью проведения художественно-педагогического анализа колористично-световых приёмов изобразительного православного искусства В. И. Рашковская даёт православное понимание цвета и света, которые тесно переплетаются в художественной и духовной практике.

Не случайно в былинах, летописях встречаются цветные эпитеты, которые являются ведущими цветами иконописи. Так, прекрасные “краски” даёт художник в “Слове о полку Игореве”: в небе блестят синие молнии, Дон катит синие воды, горят красные звёзды, хмурятся чёрные тучи” [3].

Ведущим цветом иконописи является золотой. Он доминирует, поскольку символизирует нетленные христианские истины. Все другие цвета подчинены ему. Золотое сияние иконы представляет дидактический и онтологический символ духовного света.

Автор пособия отмечает, что православная иконопись художественными средствами очерчивает четыре вида времени: космический, циклический, исторический, иконический, которые имеют графические аналогии (с. 45).

Историческое время символично передаётся горизонтально, которая имеет свое начало и конец (например, изображение евангельских событий), а иконическое – вертикально, которая начинается в душе человека и направлена к духовным высотам. В символическом сочетании исторического и иконического времени чётко прослеживается путь духовного развития, которым должна следовать личность [4, с. 98].

В произведениях изобразительного православного искусства художественными средствами даются не только духовные ценности определённого времени, но и сущностные проблемы бытия, не потерявшие своей актуальности для современной педагогики. Е. Н. Трубецкой писал об иконописи следующее: “Знакомясь с ней, мы чувствуем то смешанное чувство, с которым боль-

шая радость соединяется с глубокой душевной болью. Понять, что мы когда-то имели в древнерусской иконописи, – означает в то же время почувствовать, что мы в нём потеряли. Мысль о том, что этот бессмертный памятник духовного величия относится к нашему далёкому прошлому, содержит в себе что-то бесконечно тревожное для настоящего” [5, с. 24].

Весьма интересен подраздел о концептуальных основах понимания символа в православном изобразительном искусстве.

Основы православной символики были заложены патристикой и светскими учёными, которые изучали толкование символа в искусстве: Иосиф Волоцкий, Сергей Булгаков, Григорий Сковорода, Ю. Бобров, В. Бычков, И. Ильин, А. Лосев, Г. Покровский, Е. Трубецкой, Г. Тарабукин, В. Топоров, Л. Успенский и др.

Символ – не простая условность. В христианском понимании символическими являются не только отдельные предметы, но и весь материальный мир является символом духовного мира. Христианство заимствовало мнение Плотина о том, что мир является творением высшей природы, которая созерцает более низкий мир, подобный своему естеству. Глядя на явления и предметы материального мира, мы сквозь них созерцаем их вечную первооснову и идеальные прообразы [6, с. 34]. Символизм по форме становится источником духовного познания, ведущим к постижению уникальных смыслов действительности (с. 48).

К таким уникальным смыслам относится православное образно-символическое художественное мышление. Высокий уровень формально-логического осмысления многих явлений природной и социальной действительности и осознания несоответствия глубины внутреннего, духовного мира человека её повседневной деятельности привели христианскую философию к символизму [7, с. 26].

Таким образом, рецензируемое учебное пособие является очередным бесценным вкладом в осмысление означенных проблем и будет полезно и важно будущим художникам и педагогам в непростом деле их вечных поисков прекрасного, разумного, доброго, вечного.

Список использованных источников

1. Дунаев М. М. Своеобразие русской религиозной живописи. Очерки русской культуры XII–XX вв. / М. М. Дунаев. – М. : Филология, 1997. – 224 с.
2. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
3. Слово о полку Игоревім. – К. : Наукова думка, 1988. – 87 с.
4. Лепяхін В. Ікона та іконічність / В. Лепяхін. – Львів : Свічадо, 2001. – 288 с.
5. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках / Е. Н. Трубецкой. – М. : Паломник, 1916. – 44 с.
6. Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство / В. Н. Лазарев. – М. : Наука, 1978. – 335 с.
7. Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начале XII вв. / В. С. Горский. – К. : Наукова думка, 1998. – 215 с.

References

1. Dunaev M. M. Svoeobrazie russkoj religioznoj zhivopisi. Ocherki russkoj kul'tury XII–XX vv. / M. M. Dunaev. – M. : Filologija, 1997. – 224 s.
2. Vysheslavcev B. P. Jetika preobrazhennogo Jerosa / B. P. Vysheslavcev. – M. : Respublika, 1994. – 368 s.
3. Slovo o polku Igorevim. – K. : Naukova dumka, 1988. – 87 s.
4. Ljepahin V. Ikona ta ikonichnist' / V. Ljepahin. – L'viv : Svi-

chado, 2001. – 288 s.

5. Trubeckoj E. N. Umozrenie v kraskah / E. N. Trubeckoj. – M. : Palomnik, 1916. – 44 s.

6. Lazarev V. N. Vizantijskoe i drevnerusskoe iskusstvo / V. N. Lazarev. – M. : Nauka, 1978. – 335 s.

7. Gorskij V. S. Filosofskie idej v kul'ture Kievskoj Rusi XI – nachale XII vv. / V. S. Gorskij. – K. : Naukova dumka, 1998. – 215 s.

Masaev M. V., Doctor of Philosophical Sciences, Ass. Prof., Head of Laboratory of the Faculty of Sociocultural Activity and Musical Art of Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Ukraine, Simferopol), mikhail-masaev@yandex.ru

**About the phenomena of artistic and semiotic aspects in fine arts
Review on the train aid: Rashkovskaya V. I. Fine Arts: Artistic and Semiotic Aspects. Train Aid / V. I. Rashkovskaya. – Simferopol : DIAPI, 2013. – 200 p.**

Masaev M. V., доктор філософських наук, доцент, завідуючий лабораторією факультету соціокультурної діяльності та музичного мистецтва, Кримський університет культури, мистецтв і туризму (Україна, Сімферополь), mikhail-masaev@yandex.ru

Про феномени художнього і семіотичного аспектів образотворчого мистецтва

Рецензія на навчальний посібник: Рашковська В. І. Образотворче мистецтво: художній і семіотичний аспекти. Навчальний посібник / В. І. Рашковська. – Сімферополь : ДІАІПІ, 2013. – 200 с.